

НЕЧТО ЭОНИЧЕСКОЕ

Хочу предупредить вас сразу: мой доклад гораздо уже того, что обещано мною же в названии доклада. Я не специалист по вопросам христианства и очень далек от мысли дать вам развернутую картину христианского возрождения на фоне застойной советской жизни. Не могу сдержать и другого обещания, сокрыто наличествующего в названии всей нашей секции: не буду говорить о влиянии христианства на советскую литературу, о генезисе христианских идей в литературе, спровоцированных все той же злополучной застойностью.

Буду говорить о себе самом и своих товарищах, о том, что пережил сам и считаю, что это самый для меня лучший способ сдержать обещание. Вы, конечно, вправе воскликнуть: экой знаменитый писатель выискался, думает, что, говоря о себе, будет говорить о литературе. Честно говоря, я не хочу говорить о литературе, я хочу говорить о живых людях, о своих знакомых. Говорить о литературе невозможно, как только начинаешь говорить о литературе, сразу ощущаешь, что говоришь просто о людях, да еще о тех, кого знаешь. Совершенно невозможно говорить о Гамлете, не зная его лично. Литература – способ знакомства. Что-нибудь одно: или вы говорите о способе своего знакомства (трагедия, акт такой-то, столетие такое-то, ямб многостопный, а местами и вообще хорей), или вы говорите о своем знакомом...

Мы издавали журнал "37", статьи из которого перепечатывались в Париже и Вене. Имя Бориса Гройса теперь очень широко известно; откройте "The Russian Language Journal" и вы там найдете огромную статью, посвященную Борису Гройсу, то есть сама-то статья посвящена соцреализму, имя Гройса стоит в посвящении, но ведь и это немало; статьи Гройса вы найдете в "Синтаксисе", "Континенте", в журнале "Беседа". Широко известно имя Татьяны Горичевой, которая издала несколько книг, а теперь издает журнал в Париже; Виктора Кривулина и Елену Шварц аж сам Иосиф Бродский похвалил, о чем я узнал уже здесь, в Америке, читая журнал "Огонек". А если вы не знаете имени Кузьминского, то вообще ничего не знаете о современном литературном процессе в России, и в ужасе перед собственным незнанием должны броситься в библиотеку и хотя бы в руках подержать "Голубую Лагуну", ныне составляющую чуть ли не десять увесистых томов...

Я глубоко убежден, что неназванные мною выше имена Пазухина, Охалкина, Стратановского, Евдокимова и многих многих других ленинградских поэтов, прозаиков, философов войдут в историю русской культуры. Но я не хочу ждать, когда "их имена войдут", потому что, когда имя начинает входить и выходить вместо человека, это значит, что самого-то человека уже и нет. А между тем, все эти замечательные люди, своей дружбой или знакомством с которыми я горжусь – не только и поныне живы, но, представьте себе, прекрасно и очень даже живо существовали в период так называемого застоя.

Когда мы произносим слова "период застоя", то это звучит точно так же, как если бы мы произнесли "период Перикла", или "Смутное время", или еще что-нибудь в этом же роде, то есть звучит очень даже романтично, с большим оттенком звучит. Так и хочется воскликнуть: ну надо же как звучит, наверное, в этом "периоде" было что-то необыкновенно замечательное. Ну, представьте себе: все кипело, шумело, двигалось, все развивалось

согласно каким-то необыкновенно умным планам и вдруг... застой, вдруг могильная тишь, только ордена позвякивают, да по над мавзолеем старческие тени скользят, причудливо преломляясь на отполированных граненых плитах своими шляпами... Да ведь это же "Зона" Тарковского, никак не меньше. Так и хочется туда заглянуть, как в пропасть... Но ведь точно такое же ощущение испытывает каждый человек, заглядывающий в русскую историю. И кажется этому человеку, что стоит он на самом краю крыши самого высокого небоскреба в мире: голова кружится, как страшно...

Я думаю, что понятие "застой" идеально выражает самую суть русской истории. Борьба Москвы за вселенскую власть - героическая попытка остановить мировую историю, заморозить ее движение. Россия - жертва этой попытки, хрипящий конь, яростно грызущий свои удила; бедная страна! И так и этак пыталась она избавиться от мертвой хватки Москвы, и Смутное время пережила, и петровские реформы на свою бедную голову накликала, а ничто не помогло. Дух Ивана Четвертого постоянно торжествовал, непременно делая два шага вперед после шага назад. И чем длиннее был шаг назад, тем резвее скакала Россия вперед, в сторону омертвения, в сторону величественного азиатского застоя... Отменой крепостного права официально было объявлено воскрешение мертвых душ, объявили повсеместное их размораживание, и вот народная душа воскресла, ожила, разморозилась. И как разморозилась до самого своего основания, до последней своей глубины, так тут же вновь застыла студнеобразно, самоорганизовавшись во вселенское кладбище. То была очередная победа Москвы, Руси московской над Русью европейской, победа глубоко органическая, естественная. Это победил ген бешеного застоя, ген безумно яростной татаро-монгольщины, ген скифства.

Да, скифы мы...

Радостно возопил поэт и тут же умер, раздавленный копытами революции, суть которой заключалась в возрождении скуки, в возрождении гоголевского царства мертвых.

"Скучно, скучно..." повторял тот же поэт, которому было так весело воспевать музыку революции, пока дух Ивана Четвертого (Ивана Безумного) делал свой роковой шаг назад...

На скуку революции жаловалась Зинаида Гиппиус. Еще бы, конечно скучно. Потому-то большевики и победили, что были самые скучные люди в русской истории... Они были не просто скучные люди, они были бешено-скучные люди, они глаз не спускали с тех, кому было интересно жить вне их содомской скукотиши.

Я помню, как горячо ненавидели мы советскую власть, и ненавидели ее за чудовишную скуку, в которой она топила наши жизни. Боюсь, что христианство многих из нас тогда было христианством от скуки. Тут нет никакого издевательства над нашей верой. Мы тосковали по чувствам, по переживаниям, по страстям. Бешеному бесстрастию идиотов-большевиков мы противопоставляли мир страстей и эту страстность отождествляли с духовностью...

И что случилось потом?..

Вот уже тут, в Америке, получаю от Татьяны Горичевой журнал "Беседа",¹ который с Борисом Гройсом они издают в Париже.

¹ "Беседа", религиозно-философский журнал, №2, Ленинград-Париж, 1984.

Таня просила меня что-нибудь написать для них, но я был словно в параличе. Оказавшись тут, в Америке, я чувствовал, что мир страстей оказался **навсегда** позади. Жить страстями в этом мире опасно, а чем и как жить было мне неизвестно... Во втором номере журнала нашел ее статью "Юродивые поневоле".² Читаю:

"Видно, действительно, для нормального бытия церкви нужен крест, нужны очистительные страдания."

Как прочитал, так, знаете ли, и оторопел. Мне всегда казалось, что Церковь, это здание возведенное **на кресте**, в том смысле, что крест есть ее основание, ее первый камень, но уж никак не здание, возведенное **из креста**. Получается, что для "нормального бытия церкви" нужны распятые мученики, без наших страданий церковь недействительна, ей скучно, ей нечего делать...

Если церковь может нормально существовать только в том случае, если кто-то несет крест, страдает, то это значит, что церковь является врагом нормальной спокойной жизни и по самой сути своей воплощает глубоко садистические страсти; идеалом такой церкви является человек мертвый, точнее говоря - умерщвленный, замученный... И не ставим ли мы себя над церковью, предписывая ей "нормы"? Вырвавшись из мира вселенской скуки, герой, боровшийся с этим миром, заскучал, обнаруживая в себе "революционную" тоску по "борьбе", по всемирным страданиям, единственно способным разогнать скуку. И мир, лишенный этих страданий, кажется ему ужасно скучным, убогим... Татьяна пишет:

"...в теплой и "приличной" атмосфере благоустроенной церковной жизни нет места чудакам, оригиналам и юродивым. Это тоже бросается в глаза: около церквей на Западе... не встретишь кликуш, блаженных и дураков, людей "не от мира сего".

На это замечание Татьяны я бы мог возразить, что не была она, значит, ни в Нью Йорке, ни в Лос Анжелесе. Одно время мы жили недалеко от Холливуд бульвара. Такого количества оригиналов, кликуш и дураков как там, я больше нигде и никогда не встречал. Западный мир вмещает в себя кого угодно, в его даунтаунах и трушобах, в его дворцах и подворотнях, национальных парках и мусорных свалках находится место кому угодно... Людей не от мира сего надо искать в мире, но именно от мира и отвернулся борец со вселенской скукой.

Анализируя Достоевского, Татьяна выговаривает главную тайну своей души: человек отклонился от идеала, он греховен и зол. Словами Достоевского это убеждение описывается так: "Мне кажется, что мир наш - чистилище, принял значение отрицательное, и из высокой духовности вышла сатира". Эта мысль Достоевского, может быть, верна идеологически, но христианство не идеология, а религия, тут не рассуждения, не философия, а **любовь**, действие, тут живая, так сказать, онтология. Уж если христианин любит, то **беззаветно**, не в этом ли божественность **Завета**? Христианин не занимается исправлением "сатиры", христианин взыскует помощи и сам помогает. "Все мертвы и всюду мертвецы", цитирует Татьяна все того же Федора Михайловича Достоевского, не подозревая того, что это восклицание **бывшего** христианина, христианина отчаявшегося, переставшего **уповать**, обратившегося к идеологии, к миру **сему**, повторяющему годуновское "Они любить умеют только мертвых...". А

² "Юродивые поневоле", "Беседа", стр.54-87.

коли так, то, может, и любить-то их не за что? На кого бы свою **идеологическую** любовь обратить-то, а?

"Юродство – это подвиг, который как раз и не ведает середины. Юродивый соединяет два зона... Юродивый живет и в раю и в аду".

Ну вот и найдено идеальное существо, вот и найден "положительный герой". Заметьте, этот герой живет и в небе и под землей, но только не на земле. Надо человека с земли столкнуть, лишить его точки опоры, надо, чтобы он **полетел** (вверх, или вниз, неважно), и тогда он станет "нормальным", своим, приблизится к идеалу.

Но скажите пожалуйста, а что сделала русская революция с русским человеком? Она **столкнула его с земли**, заставила его полететь вниз, в бездну, а кого-то тем самым обрекла на духовный подвиг и этот "кто-то" полетел вверх, в святость (Шаламов, например, или русский царь со своей несчастной семьей, или Солженицын, и тысячи, тысячи других). Но ведь следовать Солженицыну (верхняя бездна) также трудно и невозможно, как следовать Сталину (нижняя бездна). Тут доброй воли совершенно недостаточно, тут нужно, чтобы вас столкнули и вы полетели. Сталина в нижнюю бездну столкнула революция, буйство того самого космического застоя, о котором говорилось выше. Личной воли Сталина на многое не хватило бы. Тут нужен был такой ураган застойности, который без космических "метеословий" просто и невозможен.

"Юродство – это подвиг, – пишет Татьяна, – который как раз и не ведает середины. Юродивый соединяет два зона, но эти "зоны" – мир "кромешный", где "скрежет зубовой"... и мир, где цветет древо жизни и где не знают бездомности".

Как хорошо сказано! Давайте перефразируем: "Сталинизм это мир концлагеря и мир коммунизма одновременно. Хомо советикус есть человек, живущий в двух этих зонах одновременно".

Великий Инквизитор Достоевского создал мир, в котором оба зона совпадают; и "Христос от скуки" целует Великого Инквизитора, потому что, хотя Инквизитор и насадил мертвечину, и самого Христа изгнал, но изгнал **как бы**, заставив, в то же время, людей тосковать по нему. С одной стороны, они Христа не знают, а с другой – очень к нему тянутся, хотят его, в нем видят возрождение от скуки. Уж тут-то, в царстве Великого Инквизитора, он всегда с ними. А вот выгони Инквизитора, так того и гляди, начнут неизвестно чем заниматься, в церковь их никакой силой не загонишь, всю духовность разом потеряют.

"Аскетическая борьба с тщеславием заставляет юродивых быть дураками и идиотами, пренебрегать не только здравым смыслом, но и законами нравственности".

Тут нам дан великий коммунистический завет: пренебрегай законами нравственности во имя борьбы с тщеславием. Потеряв здравый смысл и всякую нравственность в своей мучительной борьбе с тщеславием, развесь повсюду свои портреты и заставь людей снимать перед ними шапки. В этом идиотизме есть глубокий смысл: поклоняясь такому скромному человеку как ты, люди тоже борются с тщеславием, весь народ включается в борьбу с тщеславием.

Еще одна интересная цитата:

"Они (юродивые –В.Д.) показывают, что т.н. мир здравого смысла и всяких "нормальностей" на самом деле – мир кромешный, падший".

Но что же из этого следует? Отказаться от "нормальностей"? Так ведь весь наш социализм и есть сплошной отказ от нормальностей. Уж куда падшее, куда क्रомешнее! Что же делать-то? Выбираться из этой ямы или оставаться в ней во имя собственной святости? Да уж не возлюбить ли нам снова классиков революции, поддавшись новейшим "религиозным" проповедям? Может, отнесем этих классиков к разряду героев космического застоя, архангелов вселенской бездны? Как классики революции ужасно любили мертвых, так любят их и новейшие проповедники юродства...

Татьяна пишет: "...Подхожу к церкви, читаю объявления: "Ремонт фасада", "Советы для семьи", "Берегите здоровье", "Гимнастика для мужчин" и, наконец, "Духовная жизнь в России" Т.Горичева". Самое мне место. Вот чем занята церковь. Мне становится еще тоскливее".

А не имеется ли в виду под "духовной-то жизнью" нечто иное? "Жизнь по испущению духа", например? А ведь и впрямь, на этом фоне и бережение здоровья, и гимнастика для мужчин - дело и противоестественное, и непристойное. Логика тут "от юродивого": юродивый скорее согласится на Смутное время или на Ивана Грозного, чем на то, чтобы "беречь здоровье". И в смутном времени и в эпохе какого-нибудь разнузданного мерзавца легко соединяются две бездны; а какая же бездна в "гимнастике для мужчин"?

Россия сейчас переживает опыт перестройки.*³ Это равносильно опыту эмиграции. Страна должна эмигрировать в свое будущее, в свое завтра, в новое бытие, где не должно быть места самоотверженно неистовой застойности, вселенски-громыхающей святости. Москва должна организовать тотальную эмиграцию из Третьего Рима в обыкновенный человеческий город, где полно нищих и богатых, где есть церкви, но есть и сексуальные магазинчики, где президента уважают и рисуют на него карикатуры, где мужчины занимаются гимнастикой и курят гашиш, где полицию не любят, но и не боятся, где есть фасады облупленные, а есть и зеркальные... Сдается мне, что такой вот эмиграции не будет, ибо невозможна эмиграция в никогда. Затоскует славянское сердце матушки России по юродству, по двум зонам; заскучает Россия-мать в тенетах законности, в тенетах идеальных дорог и всяких там стокмаркетов... Потерпит, потерпит, грешная, да как р-рванет р-рубашу на груди, да как полетят во все стороны всякие жида-адвокаты да академики, размахнись рука, раззудись плечо... Пропади пропадай моя головушка...

В одном из последних номеров "Нового журнала" Владимир Пореш очень интересно писал о своем переосмыслении религиозного опыта. Я хорошо помню Пореша по Ленинграду, когда редакция "37" встретила с ним на квартире одного своего сотрудника. Он говорил очень много и, честно говоря, мне не понравился. Тонет человек в собственном красноречии, но тонет красиво, почти даже и не захлебывается. Потом мы жили в Америке, а он был в заключении, в буквальном смысле слова страдал за веру, страдал за своего Бога. И вот теперь пишет:

"...имеет ли человек без Бога такой опыт, которого ему не дает религия? Я снова со всей решительностью отвечаю: да, имеет. Прежде всего он имеет опыт более мужественного существования в

³ Написано в 1989 году.

абсурдном мире, мире без надежды, мире окончательной смерти, мире, где нет прощения (потому что кто будет прощать и миловать?). Каждый самый маленький проступок становится абсолютно необратимым. Человек без Бога существенно и окончательно одинок.

Благодаря такому концентрированному, обреченному, максимально ответственному существованию человек узнает сам о себе то, чего не знает религия. И прежде всего он, предельно обнажая и заостряя вопрос о самом себе, выявляет содержание человеческого достоинства. Он показывает, за что человека можно уважать, он радикальным образом утверждает ценность личного решения.

Сознательно обостряя, я могу сформулировать так: опыт атеизма обогащает человека."

Владимир Пореш тоже пережил нечто вроде эмиграции. Лично я, например, такого рода эмиграции испугался: пойти в заключение... Страдая за своего Бога, Пореш не отрекся от Него (ниже, в своем письме атеистическому воззрению он противопоставляет идею спасения), однако он принял в свое сердце и других, тех, кто Бога его не признает.

Татьяна же, оказавшись не в концлагере, не в мире, где скрежет зубовой, а в цивилизованной Европе, куда более несчастна; не приняла она европейского мира, осталась чужда ему, не приняла его "обывательщины", размеренности, не разглядела мучительных бездн, в которых разрывается на части западный человек, не сжалилось ее христианское сердце над этим человеком, который совсем не такой уж и "крепкий", каким кажется...

Между прочим, редакция "Нового журнала", как явствует из ее примечания, "не со всеми взглядами Владимира Пореша согласна"... Редакция "Нового журнала" настроена очень антисоветски, но это еще не значит, что и она не втянута в орбиту взаимовращающихся масс двух пресловутых эонов, бешено вращающихся масс вселенско-исторического застоя...

И надо же, так получилось, что как раз, работая над докладом, взял я в руки свою статью, написанную лет десять тому назад, примерно за год до вынужденной своей эмиграции. Я в этой статье напал на Бахтина. Доказывал в статье, что христианскую идеологию Достоевского Бахтин подменил своей марксистской идеологией, и подменив, апологетизировал уже не мир Достоевского, а мир собственной фантазии. Все бы ничего, да в тот момент был я под очень сильным влиянием нашего "нового христианства" и, нападая на Бахтина за анти-христианскую подмену понятий, сам был насквозь пропитан "кликушеским христианством", то есть христианством ложным, "социализированным" и действовал вполне по-юродски: почтенного автора на смех поднимал, предавал анафеме, паясничал, в полной уверенности, что уж **моя-то** идеология сама по себе излучает свет истины. Перечитал я свое детище и как-то неуютно мне стало. Сам себе напомнил персонаж уже из другой статьи Татьяны Горичевой:

"Обратимся, например, к жизни московского юривого Ивана Яковлевича Корейши: "...Обычай Ивана Яковлевича совершать на постели все отправления, как-то: обеды и ужины (он все ест руками - будь то щи или каша) и о себя обтираться, - все это делает из его постели какую-то темно-грязную массу, к которой трудно и подойти... Княгиня В-ая умирает, и лекаря отказались ее лечить. Она велела вести к Ивану Яковлевичу; вошла к нему, поддерживаемая двумя лакеями, и спрашивает о своем здоровье. В это время у Ивана

Яковлевича были в руках два больших яблока. Ничего не говоря, он ударил княгиню этими яблоками по животу, с ней сделалось дурно и она упала: еле-еле довели ее домой, и – чудо! – на другой день она была здорова".

Вот и мне тогда казалось: кто ни войди с какой проблемой, кину я в него двумя большими яблоками, а на утро, глядишь, человек и поправится, преобразится своими взглядами... Кто не с зонами, тот против нас...

Русскому человеку в эмиграции грозит опасность. Он может оглядеться вокруг и сказать: экии все **лекаря-то** кругом; то ли дело у нас, в России, придешь к Ивану Яковлевичу, оно, конечно, грязи не впрокорот, да и какой-нибудь дрянью по животу схлопотать можно, а все как-то оно живет, человечнее, что ли...

Ровно столько ужасов наслышался я про американских лекарей, сколько знаю людей, буквально вытешенных ими с того света... Упаси бог, чтобы американский лекарь швырнул в вас огромным яблоком, он не благодатью вас лечит, а современной технологией, за которой души его, правда, возможно, и не видать. Загадка вся в том, что душа тут именно в технологии-то и кроется; скромность этой души заключается в том, что она нас выпечивает, а мы ругаем врача за его бездушность... Наша брань – своеобразное ожидание того самого "яблока", которое спасло княгиню; мы ждем унижения, как признака милости, как границу двух бездн, двух эонов. Чем униженной тут, на земле, тем возвышенной там, в "зонах".

Унижение как форма свободы – вот загадка русской души, а точнее говоря, ее разгадка, разгадка сладострастного ее цинизма. Сталин унижил русский народ до невозможности, можно сказать, растоптал его, но и возвеличил-то как... Мы и сами не подозреваем, что выдергивая в мыслях его рыжие усы, выкалывая его мерзкие глазища, раздавливая этого червя, самим сладострастием своим его же и повторяем; и вот нас останавливают, нам говорят: зачем вы это? фу, какая глупость! спасение в юродстве, в безнравственности, в идиотизме. Это говорят люди, которым червяк мерещится размером с Луну, они сосредоточены на чудовище не меньше нашего.

Выход, наверное, в том, чтобы от чудовища отвернуться и жить друг для друга, а не для кого-то, кто может сожрать, а может и выплюнуть... Правда, тут существует опасность, что проповедники юродства немного обидятся, потому что от них все отвернутся: когда тиран высматривал жертву, юродивый прикидывался существом от тирана не зависящим, его не боящимся, хотя наличие тирана и составляет самое сущность юродивого, его, можно сказать, субстанцию! Скорбеть по юродивому – значит скорбеть по тирану. По двум зонам, которые друг без друга обойтись не могут. Разомкни их, и конец рабству, начнется та самая свобода, при которой и диета, и прохудившаяся крыша, и гимнастика для мужчин – обязательно вытеснят так называемую "истинную духовность"...